

Тань Нин инстинктивно обернулся и в панике задёргал ручку двери, но та не поддавалась. Он оказался в ловушке подвала, окутанный жутким безмолвием и пронизывающим холодом.

В комнате, которая должна была пустовать, раздался детский смех. Если в момент, когда Тань Нин только вошёл и увидел кровать, он ещё мог сдерживаться, то сейчас, услышав этот кошмарный хохот, ужас захлестнул его подобно цунами, прорвавшему дамбу.

Трясущимися руками он достал из кармана шоколадку. Одной ладонью закрыв глаза, другой он протянул угощение вперёд. Детский смех не умолкал. Сквозь щель между пальцами Тань Нин различил на кровати что-то маленькое, шевелящееся. Крошечное существо спрыгнуло вниз и, словно щенок, на всех четырёх ринулось к нему.

У Тань Нина мурашки побежали по коже. С волосами дыбом он стремительно швырнул шоколадку в сторону твари и, развернувшись, принялся остервенело дёргать дверную ручку.

Скрип. Дверь открылась.

Тань Нина затопила волна облегчения и неопишуемой радости. Он в упоении взглянул на распахнувшийся дверной проём и встретился взглядом с возвышавшимся на пороге силуэтом.

Это был Мо Юньчу.

Тань Нин поднял глаза, и от одного лишь вида его продрало морозом по коже. Сердце, казалось, замерло.

Потому что у Мо Юньчу не было лица. На длинной шее покоилась голова без малейших признаков черт.

В этот миг весь свет в комнате погас, погружая её в непроглядную тьму. В ушах Тань Нина зазвенело. Его колотило крупной дрожью, ноги подкашивались - он едва не рухнул на пол.

В пустом подвале послышался скрип колёс. Во мраке замерцали язычки пламени оранжево-алого цвета. В трепещущем свете свечей Мо Юньчу сорвал внешнюю оболочку безликой кожи, явив неправдоподобно красивое лицо.

Раскосые глаза пристально смотрели на Тань Нина. Длинные густые ресницы окрасились пляшущими бликами, уголки глаз слегка приподнялись, источая загадочное очарование, в котором причудливо смешались порочность и соблазн.

Эти черты повергали в неистовство толпы юношей и девушек, заслуживая быть воспетыми самыми цветистыми эпитетами, но в голове у Тань Нина вертелось лишь одно определение - демонические.

Что-то коснулось его ноги. Застыв как истукан, Тань Нин опустил взгляд и увидел у своих ног чудовищную версию куклы Аннабель. У этой фарфоровой девочки торчали скулы на пухлых младенческих щеках, а алые губы растягивались в улыбке. Пустые глаза в упор пялились на него.

Приоткрыв тонкие губы в ухмылке, Мо Юньчу громко произнёс оцепеневшему от страха Тань Нину:

— Сюрприз!

В нос ударил сладостный аромат. Мо Юньчу выкатил прямо к Тань Нину тележку с именинным тортом.

— С днём рождения, наш дорогой Сяо Нин! — просиял он.

Тань Нин остолбенело таращился на Мо Юньчу. После всех потрясений, превысивших порог терпимости, его разум впал в ступор, не в силах осмыслить происходящее.

Мо Юньчу наклонился, подобрал куклу, хихикающую у ног Тань Нина, и протянул её ему.

— Я заметил, что твоя тряпичная кукла в автобусе повредилась, поэтому специально заказал для тебя новую, — проворковал он.

Жуткая кукла предстала перед лицом Тань Нина. Его зрачки судорожно сузились. Он открыл рот, и из пересохшего горла вырвался слабый, дрожащий всхлип:

— Выбр...оси...

Мо Юньчу опешил, глядя на хлынувшие ручьём слёзы, заливающие лицо Тань Нина.

— Выброси её! Быстрее выброси!!! — зарыдал он.

Мо Юньчу мгновенно швырнул куклу за дверь и захлопнул её. Вскинув обе ладони, он продемонстрировал, что в них ничего нет. Медленно, осторожно приближаясь к Тань Нину, он ласково увещевал его, будто испуганного зверька:

— Я всё выбросил, видишь? Не плачь больше.

Но слёзы Тань Нина не иссыкали, катясь по щекам бусинами с порвавшейся нити. Он не заметил, как Мо Юньчу подобрался совсем близко, и опомнился, лишь когда тот начал слизывать солёные капли с его лица. При виде этого лица Тань Нин содрогнулся. В чёрных глазах плескался неприкрытый страх.

— Н-не надо... Уйди... — сквозь всхлипы пролепетал он.

Широкая ладонь легла ему на затылок, и тонкие губы накрыли его трепещущие уста, не дав договорить. В свете ламп заплаканные глаза Тань Нина походили на готовые разбиться драгоценные камни. Объятый всепоглощающим ужасом, он позабыл как дышать. Чем глубже становился поцелуй, тем сильнее он ощущал, будто у него отнимают жизненно необходимый кислород. Тань Нин даже не мог стоять самостоятельно, лишь цепляясь за Мо Юньчу. Всем весом он повис на нём, уподобившись вьюнку, обвившему исполинское дерево.

Как странно. По покрытой болезненным румянцем коже струились слёзы. Запрокинутая шея Тань Нина изогнулась изящной дугой.

Поистине странно. Ведь именно Мо Юньчу спас его, одарил теплом своей любви. Но Тань Нина вдруг посетило абсурдное чувство, что он утонет в этой любви.

Эта всеобъемлющая, удушающая забота кружила голову, словно неумолчный водоворот, затягивая его робкую, смятенную душу в причудливый иллюзорный мир.

Минула, казалось, целая вечность, прежде чем Мо Юньчу разорвал затяжной поцелуй. Пристально глядя в глаза Тань Нину, он чётко произнёс:

— Я никуда не уйду.

Видимо, он превратно истолковал слова Тань Нина "не надо, уйди", решив, что тот умолял его остаться.

В этот миг любые объяснения потеряли смысл. Да и сил для них у Тань Нина уже не осталось. Этот кошмарный сюрприз вытянул из него всю энергию. Жадно хватая ртом свежий воздух, он постепенно приходил в себя. Однако даже обретя способность здраво мыслить, он по-прежнему выглядел потерянным.

Мо Юньчу приобнял Тань Нина за талию и подвёл к праздничному торту.

— Давай, Сяо Нин, загадывай желание, — прошептал он ему на ухо.

От этого бархатного, чарующего голоса Тань Нин хотел сбежать без оглядки, но что-то внутри него тянулось к нему, покорно внимая.

"Если бы желания и вправду сбывались, я бы хотел вырваться из этого кошмара и никогда не

возвращаться".

Мо Юньчу притянул Тань Нина ближе, так что его спина прильнула к твёрдой груди. Заключив его тело в кольцо тёплых объятий, он произнёс:

— Готово. Можешь задувать свечи.

Тань Нин машинально затушил их, дрожа всем телом. Мо Юньчу подхватил длинный зубчатый нож, лежащий рядом с тортом. Вложив рукоятку в ладонь Тань Нина и обхватив его кисть своей широкой дланью, он направил его руку, разрезая ярко-алый, как кровь, бархатный торт.

— Попробуй кусочек.

Мо Юньчу отломил ломтик и поднёс его ко рту Тань Нина. Тот разомкнул губы, впуская невесомую бархатистую текстуру. Сладкий, но не приторный, чуть солоноватый вкус понемногу успокаивал его встревоженную душу.

— Вкусно? — с обожанием глядя на него, спросил Мо Юньчу.

Несмотря на то, что страх лишил Тань Нина последних сил, он не мог не признать, что торт и впрямь восхитителен. Как артисту, ему приходилось строго следить за рационом, и в этом году он ещё ни разу не пробовал такие калорийные десерты.

Мо Юньчу скормил Тань Нину ещё один большой кусок. Дрожа всем телом, тот проглотил

угощение. В его глазах, блестящих от слёз, мешались ужас и жажда, словно у зверька, угодившего в капкан - трепещущего от страха, но не в силах устоять перед приманкой.

— Нравится? — спросил Мо Юньчу.

Тань Нин нервно кивнул. На его изящном подбородке виднелись дорожки от слёз, а к губам прилип белоснежный сгусток крема. Он выглядел жалким и одновременно до одури милым.

Мо Юньчу провёл шершавым пальцем по его мягким губам, стирая кремовую каплю, и, облизнув палец, промурлыкал:

— Как сладко.

— В следующий раз я снова испеку для Сяо Нина торт, хорошо?

Угощение понемногу вернуло Тань Нину способность связно изъясняться.

— Хорошо... Только больше не дари мне кукол, ладно? Я их не люблю.

— Прости, это я не подумал, — немедленно повинился Мо Юньчу.

Тань Нин откусил ещё кусочек. Сахар подействовал умиротворяюще, и его страх немного поутих. В подвале и вправду таилась загадка, просто разгадкой оказался неожиданный сюрприз ко дню рождения. Неизвестность пугает, но лишается власти, стоит приподнять завесу тайны.

"Да, мне нужно стать смелее. Не бояться ни подвала, ни куклы и уж тем более Мо Юньчу".

Тань Нин взглянул на Мо Юньчу - такого красивого и любящего - и пригласил:

— Торт действительно очень вкусный. Давай есть вместе.

Кадык Мо Юньчу дрогнул. Его взгляд прикипел к губам Тань Нина.

Ещё немного полакомившись, они перебрались в гостиную. Мо Юньчу тщательно подготовил этот праздник. Он специально отпросился у режиссёра на денёк, собственноручно испёк торт и придумал для подвала леденящий кровь "сюрприз". Прежний "Тань Нин" обожал подобные жуткие мистические вещицы, а нынешний без ума от красного бархата - настолько, что ненароком объелся.

В мягком свечении ламп Тань Нин утопал в диванных подушках. Мо Юньчу нежно поглаживал его вздувшийся животик. То ли дело в слишком уютном освещении, то ли во взгляде Мо Юньчу, преисполненном сдержанного обожания, но Тань Нину казалось, что Мо Юньчу и впрямь очень, очень хороший человек. Странности на видео наверняка окажутся досадным недоразумением - как и история с подвалом. Стоит лишь всё прояснить. Иначе Тань Нин попросту не сможет сомкнуть глаз.

Тань Нин набрался храбрости и тихо спросил:

— Как ты думаешь, в каких случаях человек вместо того, чтобы спать, будет полночи пялиться на лицо того, кто лежит рядом?

Мо Юньчу задумчиво нахмурился.

— Есть два варианта, — серьёзно начал он. — Первый: когда твоя пара настолько прекрасна, что хочется любоваться ею снова и снова. Сколько ни смотри - всё мало.

— А второй? — осторожно полюбопытствовал Тань Нин.

— Если этот человек - психопат.

Даже воздух будто застыл.

Впившись в Тань Нина пронзительным взглядом, Мо Юньчу улыбнулся:

— И когда же ты заметил, что я разглядываю тебя спящего?

Идеально красивое лицо не утратило улыбки, но глаза оставались серьёзными, точно у беса, рядящегося в человеческое обличье.

В голове у Тань Нина помутилось. Он безмолвно смотрел, как губы Мо Юньчу растягиваются в улыбке, достигающей глаз, но в ней сквозило снисходительное удивление - словно его поразила пугливость Тань Нина.

— Неужто тебя напугало моё выражение лица?

Тань Нин ошарашенно таращился на него.

— Глупенький. Роль, которую я сейчас играю - как раз психопат, — Мо Юньчу щёлкнул его по носу. — Я привык вживаться в образ, так что моё обычное поведение тоже немного меняется под влиянием персонажа. Я думал, ты не заметишь.

— Ты ведь всегда спишь без задних ног, прямо как поросёнок, — он взъерошил волосы Тань Нина. — И как только раскусил меня? Никак притворялся спящим?

Тань Нин не осмелился признаться в установке скрытых камер и лишь молча кивнул, безропотно приняв предложенное Мо Юньчу объяснение.

Мо Юньчу ласково потрепал его за щёку.

— Наш малыш Сяо Нин, оказывается, здорово поднаторел. Изобразил сон так, что я и не заподозрил.

Тань Нин никак не ожидал подобной причины. Он попросил у Мо Юньчу сценарий и убедился, что персонаж и впрямь обладает чертами маньяка. Там даже упоминалась странная привычка нюхать одежду партнёра, в точности как на записи с камер.

Вот оно что. Слава богу, всё так просто. Истина раскрылась, гора свалилась с плеч Тань Нина. Его мысли и чувства всегда отражались на лице, так что разгадать их не составляло труда.

— Ты ещё боишься меня? — с улыбкой спросил Мо Юньчу.

Тань Нин торопливо замотал головой.

Мо Юньчу склонился к самому его уху. В хрипловатом полужёпоте прорезались едва уловимые, волнующие нотки:

— Тогда, может, сегодня накормишь своего мужа досыта?

<http://bllate.org/book/14673/1303903>